

ГЛАВА 1

Если и есть на свете зло, то это Белая Скала.

Я вырываюсь из её холодных стен и чувствую невероятное облегчение!

— Эй, Санта! — машу, заметив старика издали.

И пускаюсь со всех ног навстречу. Мне хочется поскорее запрыгнуть в наше каноэ и уплыть далеко-далеко, подальше от Белой Скалы. Но я спотыкаюсь о маленький, почти невидимый камешек, и рюкзак спадает с моего плеча. Я подпрыгиваю, чтобы вернуть его обратно, но поскользываюсь на чернозёмной жиже и плюхаюсь попой в грязь.

От моих неловких движений грязь смешно чавкает, и я в бестолковых попытках подняться хохочу, как сумасшедшая. Волосы лезут в лицо, и я отплёвываюсь от них, потому что не могу убрать, ведь мои пальцы перепачканы. Десять вулканов извергли липкую густую лаву, которая ещё не остыла.

Ловко просунув руку под широкую лямку, я подхватываю рюкзак, встаю и продолжаю свой путь, не сводя глаз с растопыренных пятерней. Я не хочу потревожить задремавшие вулканы. Лава ещё тёплая, хотя почти уже застыла.

— Это огненное кольцо! — сообщаю я Санте, как только оказываюсь у него во дворе. — Помнишь, ты рассказывал про вулканы, которые окружили океан?

И сую свои руки ему чуть ли не в бороду. Старик подслеповат и может не разглядеть моё открытие на большом расстоянии.

— Похоже на то, — соглашается он и кивает мне за спину. — А Боуи извергся где-то позади.

Я вытягиваю шею, чтобы изловчиться и заглянуть себе через плечо, но ничего не выходит.

– А ты не врешь? – прищуриваюсь я, потому что из рассказов старика помню, что подводный вулкан Боуи особенный.

Санта смеётся. И я смеюсь. Его смех как тысяча встревоженных ворон – кхар-кхар-кхар-кхар! Из раскрытого рта старика даже вылетает одна такая, серая и безобразная, и шмякается ему под ноги. От этого Санта закашливается, сгибается почти пополам, сплёвывает в сторону ворону побольше и сразу серьёзнеет.

– У меня много дел, – бурчит он в бороду и отворачивается. – Уходи.

А мне ну совсем не хочется! Если бы сегодня мне надо было домой, то, конечно, я бы сразу ушла. А так...

– Я тебе помогу, – говорю я, изучая его старый пиджак с дырками на локтях. Так, будто вижу впервые. И прихожу к мысли, что пиджак ещё ничего. – Хочешь, я поставлю тебе заплатки?

– Не хочу, – фыркает Санта, не обращая на меня никакого внимания, в то время как я уже ковыряю палкой кучку картофельных очисток посреди его двора.

– А зря, – говорю я, не прекращая своё увлекательное занятие: в центре кучки я нахожу настоящее сокровище – красную кожур-

ку от помидора. — Ты был бы очень красивым, Санта!

Старик наконец-то оборачивается и пристально смотрит на меня своими мутно-синими глазами — я это макушкой чувствую!

— Скажешь тоже, — хмыкает он и снова смеётся: — Кхар-кхар-кхар-кхар!

И я теперь знаю наверняка, что Санта меня не прогонит.

Отшвырнув палку в сторону, я с восхищением смотрю на наше великолепное сооружение, как бы спрашивая разрешения запрыгнуть туда, и Санта кивает. Он идёт к маленькому кривому кранику, торчащему прямо из земли, и поворачивает заржавелый вентиль. От радости я даже взвизгиваю!

И вот я уже плыву на каноэ...

Каноэ — это такая узкая-преузкая лодка с острым носом, который так и норовит влезть не в свои дела. Например, поцеловать вон тот огромный камень, осевший в воде на повороте. Или просто нырнуть поглубже.

Но в моих руках весло. Оно тяжёлое и выглядит устрашающе. Поэтому каноэ его слушается. А весло слушается меня. Здесь я главная! И если я захочу, то уплыву далеко-далеко — туда, где по зеленеющим полям гуляют лампаки.

У лампак смешные мохнатые мордочки и длинные шеи. Их хочется обнять или хотя бы просто потрогать. Мягонькие, тёпленькие,

милые лампаки! Я представляю, как глажу их по шёрстке и по мокрому носу, кормлю с руки морковкой и, кажется, улыбаюсь.

– Ну всё, хватит, – смеётся Санта. – Сейшелы затопит.

Тогда я впиваюсь пальцами в весло ещё крепче и начинаю усиленно грести назад. Брызги летят во все стороны.

– Хватит, хватит, хватит! – заходится в хриплом смехе старик и машет перед лицом желтовато-серой ладонью.

Я смотрю на Санту и понимаю, что забрызгала грязью его пиджак.

– Ой, – виновато опускаю голову и оставляю каноэ. – Давай я возьму его с собой? Постираю под краном и в свободный час зашью твои дырки.

– Всё нормально, Лисичка, – улыбается Санта. – Это же каноэ.

Когда Санта называет меня так, я чувствую, как внутри подпрыгивают разноцветные мячики.

Тогда я забираюсь на кучу трухлявых досок, сложенных друг на друга у стенки его жилища, удобно устраиваюсь на ней и не без интереса спрашиваю:

– Ну как ты?

Потому что вдруг вспоминаю, что Санта живёт один, и ему, должно быть, очень одиноко. Это у меня есть: Пашка, Алёна, Ната-

ля Сергеевна, Стася, Канюша, Мика, Сонечка. И мама, конечно. А он?

Я не сдерживаюсь и спрашиваю вот ещё что:

— Санта, а где твоя мама? Почему я её никогда не видела?

Старик странно морщится, но не смеётся и даже не фыркает. Он садится на табуретку, и его седая борода теперь достаёт до верхнего кармана пиджака, малю-юсенького, как спичечный коробок. И я думаю: а что, если борода дорастёт до нижнего, большого кармана? Её можно будет туда положить?

— Ты лучше мне расскажи, где твоя мама, — ни с того ни с сего произносит он. Тихо так, будто бы сам себе.

Но я почему-то вздрагиваю. И вскакиваю.

— Всё-мне-пора-я-и-так-уже-засиделась! — скороговоркой произношу я, машу ему и стремглав вылетаю со двора.

А потом вспоминаю про свой рюкзак.

Приходится притормозить прямо в грязи, изловчиться, чтобы не упасть, развернуться и ещё раз изловчиться — забрать рюкзак, не взглянув и краешком глаза на Санту.

Провернув всё это, я устремляюсь снова вперёд — мне давно пора быть в Центре! А оборачиваюсь я только тогда, когда двор Санты становится крошечным, как кусочек чёрного хлебushка, который припасён у меня в рюкзаке на всякий случай.

род. Белый. Красивый. И вижу там крепость.
И нас. Мы в ней все из картона. Как хоро-
шо, что у меня всех так много! Пашка, Алёна,
Сонечка, Стася, Канюша, Мика, мама... и вот
теперь бабушка.

